Мат трефовому валету

16+

Юрий Корочков

Юрий Корочков
Мат трефовому валету

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56277070
SelfPub; 2020

Аннотация

Информатор в среде преступного мира должен передать следователю Третьего отделения тайной канцелярии императора Николая I Григорию Ивановичу Конвицыну материалы об организаторах серии заказных убийств в среде высшего общества Петербурга. Однако прибывший на место встречи сыщик обнаруживает свежий труп своего агента – Сеньки Шалого. Поймать убийцу и перехватить ценнейшие документы во что бы то ни стало необходимо до того, как тот бесследно растворится на просторах столицы. Но как поймать преступника, ни одной приметы которого неизвестно?

Я человек не робкого десятка – все же десяток лет работы в уголовной полиции, а потом и в третьем отделении тайной канцелярии чего-то да стоят. Но от воспоминаний об этом деле до сих пор охватывает озноб, да и рука напоминает о себе. Слишком уж близко я подошел к роковой черте. И еще – осталось на душе мерзкое чувство бессилия и незавершенности. Все же для политического сыска, где наказание зависит не только и не столько от конкретного преступления, но от нынешнего расклада в правящей верхушке, я не создан. Мое искреннее убеждение, что вор должен сидеть в тюрьме, а убийца болтаться в петле, не дает мне вполне насладиться этой, в остальном крайне увлекательной работой.

Итак, три месяца назад, погожим июньским днем я сердито смотрел на медленно проплывающие мимо меня деревья. Лошадь шла бодрым шагом, и глупо было требовать от животного большего. Впереди десяток верст леса – если лошадь падет, шансы нагнать преступника исчезают. И, тем не менее, мне хотелось выпрыгнуть из пролетки и самому броситься бежать. Я то и дело посматривал на виднеющийся сквозь редкие деревья канал, надеясь увидеть ускользающую барку.

Семен был убит менее часа назад, и убийца, скорее всего, ушел водой – на одной из попутных барок, сплавляющихся по каналу к Петербургу. И я, следователь Третьего отделения тайной канцелярии Его императорского величества Николая I Григорий Коновицын, определенно его видел! Ведь

единственная дорога к старой заброшенной пристани, где у меня была назначена встреча с Семеном, вела вдоль канала. За ближайший час, а алая, не свернувшаяся кровь на месте преступления говорила, что с момента убийства прошло никак не больше часа, навстречу прошло пять барок. На одной из них плыл убийца.

Всего за двадцать минут до того я был в самом благостном расположении духа. Я ехал на встречу с одним из лучших своих информаторов в среде криминального мира Петербурга Сенькой Шалым. Сенька обещал доставить некие документы на очень влиятельных лиц из высшего общества, замешанных в ряде заказных убийств. Я не знал подробностей, но уже потирал руки – такого компромата мне в руки не попадалось, считай, никогда в жизни. Сенька честно заслужил высокий гонорар – пять тысяч золотом, позвякивающим в ящике под днищем пролетки.

Однако, когда я добрался до уединенного причала, рядом с которым была назначена встреча, моим глазам предстала страшная картина. Убийца опередил меня буквально на минуты. Тело Сеньки не успело остыть и лежало на досках старого пирса в луже горячей алой крови, а одежда его была буквально располосована на клочки – очевидно преступник знал о документах и искал их в потайных карманах.

Кровь была совсем свежей, еще даже не начинавшей свертываться, как я первым же делом определил наметанным в прошлой жизни глазом, а значит, убийца покинул место пре-

ступления не более часа назад. Дорога на пристань вела одна, и навстречу мне за час не встретилось никого. Зато по каналу, по направлению к столице прошло пять груженых барок. Вверх по каналу барки шли на веслах, или влекомые бурлаками, на каждой была команда из нескольких человек – маловероятно, чтобы убийца воспользовался одной из них. Вниз же по течению, они в этом месте сплавлялись под управлением, как правило, всего одного кормщика. Мне бросилась в глаза одна деталь – в луже крови у Сенькиного трупа было довольно много совсем свежей пшеницы. Она же была рассыпана по пристани. Свежие следы рассыпавшегося на причале зерна говорили, что одна из барок, груженая хлебом, останавливалась здесь. Еще одна деталь – на причале не было коня, значит и сам Сенька приплыл сюда на барке, приплыл, похоже, не один, и это стоило ему жизни.

Надо попытаться вспомнить подробнее. Что было на встречных барках? Как назло ведь не присматривался! Так! Похоже, одна из барок была нагружена кирпичом, и единственный кормщик на ней был в шляпе. Теперь по самим баркам: только одна из них была явно местной грубой лоханкой. Тихвинская баржа прошла вслед за ладьей под флагом Московского торгового дома братьев Докучаевых, еще одна барка представляла собой типичную волжскую баржу, ее кормчий был в полувоенной фуражке. А самая первая? Я помнил только, что кормщик на ней был с непокрытой головой. Подстегивая коня, устремляюсь по дороге к Петербур-

гу, и молюсь, чтобы догнать тихоходные баржи прежде, чем они бесследно растворятся на просторах столицы.

Но вот впереди показался трактир. У пристани пусто, но я бросаюсь в зал. Трактир был типичнейшим уездным заведением ниже среднего уровня. Да и что ожидать от придорожного кабака на не самой оживленной дороге? Темный, грязный зал с полом, посыпанным истоптанной соломой, был освещен несколькими сальными свечами. За грубо сколоченным большим столом в центре было пусто. Впрочем, столь же пусто было и в «чистой» половине зала – на дощатом помосте у левой стены, на котором располагались четыре небольших столика, сработанных не кривыми руками местного плотника, а столяром из ближайшего городка. Для создания «уединения», столики могли отгораживаться от зала грязной засаленной желтой занавеской, сейчас, впрочем, отодвинутой, демонстрируя полное отсутствие посетителей. В душном воздухе висел стойкий запах перегара, прокисшего пива, и, вдруг, подгоревшего кофе. Скучающий и явно подвыпивший половой за стойкой лениво взглянул на нового посетителя.

– Следователь по особо важным делам Григорий Коновицын. – я показал удивленному половому гербовую бумагу. Любезный, подскажи-ка мне, кто недавно останавливался в твоем почтенном заведении.

– Дык, эта… Весь вид полового говорил о его героических усилиях вспомнить интересующую информацию. – Госпо-

дин следователь…Пятеро их было. Один, который на «тихвинке» приплыл, чаю спрашивали, третий из приехавших взял штоф водки, пижон в фуражке заказал кофе, еще один, испив горячего сбитня запасся нюхательным табаком, и один мрачный верзила выдул кружку пива и отбыл почти не задерживаясь.

Из трактира я вышел задумчивым. Пожалуй, слова полового только еще больше запутывают дело, хотя и наводят на размышления.

Стоило поспешить. Впереди был шлюз, работающий, как я знал, всего трижды в день, и у меня оставались шансы перехватить убийцу до того, как он бесследно достигнет города.

Уже подъезжая к шлюзу, я понял, что надежды тают как дым. Шлюз был пуст, а последняя из барок исчезала за поворотом раздваивающегося здесь канала.

Смотритель, пожилой усталый служака крестьянин, сплевывая на пристань жевательный табак, объяснил, что остальные четыре барки ушли прямо – к Петербургу, и только последняя свернула по каналу, выводящему к Усть-Луге. Это был лысоватый субъект с засаленными остатками светло-русых волос, росшими только на затылке, но заплетенными в косицу, что указывало на его былую причастность к флоту. Одет служитель был в драный залатанный зипун, на ногах стоял не совсем твердо, а язык его заплетался. Добиться от него вразумительного ответа на мои вопросы надежды прак-

тически не было, и, тем не менее, стоило попытаться.

Глядя на табачные плевки, испятнавшие пристань, я задумался…Что-то вертелось в голове.

– Кто тебя табачком то угостил, любезный? – спросил я смотрителя шлюза.

– Дак все угощали, один только зельем не баловался. Рядом с его баркой, помню, стояла лодка, груженая чушками чугунными. Кормщик, что доски вез, угощал махоркой, другой, в меховой шапке, предлагал трубочку раскурить, а местный парень посмеялся, да сказал, что некогда дымить, и сунул вот жевательного табачку. Оно и вправду сподручнее.

– А каким он в очереди стоял, не помнишь ли?

– Не…помню тока, что рядом с ним лодья с ящиками была.

Так!!! Это уже что-то! Малозначительные сами по себе факты в мозгу складывались в некую картину, но для полной ясности не хватало еще нескольких деталей.

– Слушай, отец, не в службу, а в дружбу, постарайся вспомнить, какая баржа была второй на входе в шлюз?

– Так наше вам. Энто проще простого. Столичная, петербургской Мариинской компании баржа.

– Ну спасибо тебе! Выручил!

Теперь я точно знал, в какой барке был преступник, его приметы, как, впрочем, и приметы остальных кормщиков. Сунув ошалевшему от радости смотрителю полтинник, я решительно направил бричку вдоль канала на Усть-Лугу.

В дороге я еще раз перепроверил свои рассуждения. Первой лодкой должна идти местная лоханка с верзилой, щеголяющем неприкрытой шевелюрой. Это неопровержимо следует из факта, что вторая барка столичная и впереди нее никак не могли оказаться ни московская лодья, ни следующая за ней «тихвинка», ни волжский кормщик, плывший в фуражке. Итак, первая баржа местная, и, значит, ее кормщик жует табак. А что он пил в трактире? Не чай – его пил рулевой с «тихвинки», не кофе – любитель кофе в фуражке, не водку – водку брал третий кормщик, не сбитень – тот покупали вместе с нюхательным, отнюдь не жевательным табаком. Значит – пиво! А груз? Не доски – доски в очереди за любителем махорки, не ящики – ящики в соседней барке, не кирпич – везущий кирпич ходит в шляпе. Тогда – чугун или зерно!

Теперь по второй, столичной лодье Мариинской компании. Она вне подозрений – везет ящики, ведь она единственная рядом с любителем жевательного табака. Петербуржец в головном уборе, но это не шляпа – ее носит тот, кто везет кирпич, и не фуражка – в фуражке волжанин. Значит, меховая шапка или кепка. Пусть он в меховой шапке. Тогда он пил не пиво, не кофе, не чай и не водку, а сбитень. Вывод неверный – любитель сбитня покупал нюхательный табак, а «шапка» курит трубку. Тогда столичный кормщик в кепке и пьет кофе. Кстати, он не курит ни трубки, ни махорки, не нюхает и не жует табаку – он некурящий! А значит, чугун

может быть только в первой или третьей барже.

Теперь дальше. «Тихвинка» шла вслед за москвичом, значит, волжанин может быть или третьим или последним. Допустим он последний. Тогда третья баржа московская и ее кормщик хлещет водку, а рядом «тихвинка» и ее рулевой пьет чай. Если это так, то волжанин пьет сбитень и нюхает табак, а его грузом будут не чугун, не ящики, не доски или кирпич, а зерно. Хорошо, тогда проверяем москвича и «Тихвинку»: если у москвича доски, то он курит махорку, трубка же попадает вместе с меховой шапкой в четвертую баржу, где рядом с кирпичом уже соседствует шляпа. Вывод неверный. Хорошо, пусть у москвича груз кирпича, тогда он в шляпе, а меховая шапка на «тихвинце» и тот, выходит, «незаконно» курит махорку, прилагаемую к доскам.

Итак, волжанин никак не может быть в хвосте колонны! Его место третье, а москвич следует на четвертом, и, поскольку он не пил водки (водка в третьей барже), чая – выпит «тихвинцем», то именно он покупал сбитень и нюхательный табак. Волжанин же не курит трубки, ибо он в фуражке и не нюхает табаку, доставшегося москвичу. Его табак махорка, а груз – доски. Этот вывод снимает подозрение не только с него, но и с местного парня, ведь тогда, раз чугун рядом с некурящим, а третьим идет пыхтящий махрой волжанин, то местный везет чугун.

Итак, в первой, второй и третьей барках соответственно чугун, ящики и доски, но москвич из четвертой лодьи реши-

тельно отвергает подозрения, поправляя на голове шляпу, прочно связанную в моей памяти с грузом кирпича. А предательский трубочный дымок вьется из под меховой шапки на корме последней барки.

Не знаю, что это было: ощущение злого, нацеленного на тебя взгляда сквозь прорезь прицела, или просто случайный ветерок, заставивший повернуться чуть в сторону. А может просто случайность. Пролетка неслась по узкой лесной дорожке, когда из кустов раздался выстрел, и меня буквально вынесло с облучка. Именно в этот момент я чуть повернулся, и пуля, нацеленная в сердце, попала в левую руку. Попадание двадцатиграммовой мушкетной пули, выпущенной с трех метров, подобно удару кувалдой. Миг, и я ощущаю себя валяющимся на траве, еще мгновение, и на меня несется бандит с мушкетом наперевес. Думать некогда – через секунду приклад размозжит голову, и Григорий Коновицын прекратит свое бренное существование.

Как в моей руке оказался пистолет я не помню. Окончательно я пришел в себя от грохота выстрела. Пистолетная пуля слабее мушкетной, но с полуметра и она снесла нападавшему половину черепа. Кое-как оправившись, я занялся пробитой рукой: ремнем перетянул плечо, остановил кровь и промыл рану из фляги с коньяком, которую всегда вожу с собой.

Рука требовала срочного внимания врача, если только я не хотел ее лишиться, и, оттащив тело в кусты, я направил

бричку к Санкт Петербургу. Вид окровавленной брички привлек внимание первого же встреченного мной городового, чему я был несказанно рад. Отправив служителя сторожить место преступления, я мог с чистой совестью заняться собой, чем и не преминул заняться, направившись к ближайшей больнице. Чувствовал я себя прескверно, из-под повязки продолжала сочиться кровь, и на операционном столе, приняв стакан коньяку, я позволил себе потерять сознание.

На место преступления я вернулся только после полудня следующего дня. Слава доктору Анисимову, прекрасно выполнившему свою работу, рука осталась при мне и, хотя нещадно болела, не помешала продолжить работу. Первым делом я направил свой путь к месту гибели разбойника.

Нападавший определенно был тем самым преступником, который два часа назад убил Сеньку. Неподалеку в кустах я нашел груженую зерном баржу. Груз был разворошен, а на берегу лежали три объемистых мешка с гашишем пудов по десяти весом. Становилось понятным, почему преступник не бросил баржи ранее и зачем напал на меня – он не знал, что я следую за ним, ему просто нужна была пролетка для своего ценного груза.

Душегубец был мужчиной лет сорока. Он успел сменить надетые явно для маскировки зипун с меховой шапкой на вполне приличный костюм. Помимо мушкета и кинжала, нападавший имел при себе кистень, бумажник с полусотней рублей ассигнациями и, главное, пакет с документами Сень-

ки. На шее у него стояло клеймо каторжника, искусно пережженное в изображение трефового вольта.

Следы крови на кинжале говорили, что именно он послужил орудием убийства Сеньки. Больше ничего, представляющего интерес, на месте преступления найти не удалось. Не удалось обнаружить ничего и на пристани, где «треф» убил Сеньку. Пакет с документами мне открыть также не довелось – его забрал лично приехавший к месту происшествия Александр Христофорович Бенкендорф. Он, кстати, немедленно отстранил меня от расследования и упрятал с глаз долой в Петропавловскую крепость, где я был, практически, на положении заключенного, хоть и очень привилегированного.

Неделю спустя я встретился с усталым, посеревшим лицом шэфом. Он рассказал, что за эту неделю на моего двойника трижды совершались покушения, было отловлено пятеро наемных убийц, и кое-кто из высшего общества навсегда «добровольно» покинул столицу коротать остаток жизни по отдаленным поместьям. Убитый мной «треф» был первоклассным наемным убийцей, на счету которого не один десяток жизней. Сенька, по оперативным данным, напоил «трефа» настойкой лауданума и собирался представить мне вместе с бумагами, но не рассчитал дозы, за что поплатился жизнью. «Треф», спрятанный на дне лодки среди пшеницы, очнулся, выждал момент, и убил ничего не ожидавшего Сеньку ударом лома по затылку. Он догадывался о бумагах, знал о грузе гашиша, и решил уходить к морю, прихватив ценный

приз. Если бы я не дернулся в момент выстрела, план «трефа» блестяще бы осуществился.

Шэф, озабоченный моей судьбой, отправил меня подлечиться куда подальше от столицы минимум на полгода. Сейчас, три месяца спустя после событий, я сижу в уютном подмосковном поместье своего старинного приятеля и в общем то искренне радуюсь, что все сложилось именно так, а не иначе: пять тысяч Бенкендорф передал мне, посвященным в ненужные тайны я не стал, а главное – выжил во вполне безнадежной ситуации.